

Рассказы старого сейиса

Category: Nekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 22 января, 2025

Рассказы старого сейиса РАСКАЗЫ СТАРОГО СЕЙИСА

В спортивную редакцию Туркменского телевидения приходит много писем от зрителей, следящих за скачками. В них – просьбы рассказать о происхождении ахалтекинской породы лошадей.

Желая как можно лучше выполнить эту просьбу, я обратился за консультацией к Дмитрию Терентьевичу Клименко, и он любезно согласился помочь всем, чем сможет.

В условленный день мы встретились с Клименко на торжествах, проводимых на Ашхабадском ипподроме. Увидев меня, он сказал:

– Жаль, но я не смог точно исполнить вашу просьбу. Много перерыл книг, но ничего интересного о происхождении ахалтекинских коней не нашел.

– Может быть, нам обратиться к Михаилу Ивановичу Белоногову?

– Михаил Иванович сейчас в Москве, – он помолчал, потом предложил:

– Поедем-ка к 114-летнему Карагулу Курдову. Когда мы с ним работали еще на старом ипподроме, он мне рассказывал интереснейшие истории, которых знает великое множество... Знаешь, слова таких людей надо обрамлять в золото, чтобы ни единой крупички не пропало... Все наша занятость, – посетовал Клименко.

– В самом деле, поедem. Я уверен, услышим много интересного.

По дороге к Безмеину, где жил Карагул Курдов, мы припомнили достославных питомцев знаменитого сейиса: Улькара, Овлаксакара, Дерби, Сынка. Известность и слава этих коней давно перешла все границы. Из-за них приезжали в Безмеин, чтобы купить коней этой породы, представители многих конезаводов нашей страны и представители зарубежных фирм. Было время и Безмеин был местом, где воспитывались ахалтекинские скакуны. Сейчас хозяйство это пришло в упадок.

Когда мы зашли во двор дома старого сейиса, нас еще в саду встретил гомон игравших где-то неподалеку детей, которые через

минуту обступили нас и принялись наперебой здороваться. Вышла жена старого Карагула, и мы почтительно приветствовали ее. Улыбаясь, она сказала нам, что муж ушел недавно в виноградники, и мы решили пройти туда.

Терпкий запах молодых побегов, яркая весенняя листва встретили нас. За густой стеной зелени прозвучал голос Карагула Курдова: «Здорово, сынки!»

К нам подошел высокий старик с серпом в руках. Приветливо улыбаясь, он крепко по-молодому пожал нам руки.

– Ты случайно не заблудился? – шутливо обратился старик к Клименко и, посерьезнев тут же, разглядывая меня умными, острыми глазами, принялся задавать традиционные вопросы:

– Все ли у Вас благополучно? Здоровы ли Вы?..

– Большое спасибо. Здоровье у нас в порядке и все хорошо.

– Так, так, - кивнул головой Карагул-Ага. Здоровье – богатство. Пойдемте в дом. Продолжим разговор за зеленым чаем.

Мы последовали за ним.

– Ну-ка, хозяйка, брось нам кошму на свежем воздухе: у меня гости почетные, - улыбаясь обратился старик к жене.

– Да, да, - шутливо подтвердил Клименко. - А вы нам, конечно, расскажете о конях.

– В самом деле, Клименко, у нас совпадают и желания и интересы. В последнее время нет собеседника, не с кем поговорить на эту тему, - он задумался. – Разве, что придет Черкезова, а нет ее – не с кем.

– Да... Мария.. . - протянул Клименко. – Часто она бывает?

– Что ты! – старик даже удивился. - Она всегда спешит; всегда ей времени не хватает. За одной пиалой чая разве поговоришь толком. Но с ней и короткий разговор приятен. – Карагул-ага прищурил глаза в доброй улыбке. – Меня восхищает, как чисто говорит она по-туркменски, как любит и ценит наших прекрасных ахалтекинских коней, как знает происхождение и родословную каждого из них. Недаром стала Мария Даниловна заслуженным зоотехником Туркмении. Клименко поддержал:

– Да, туркмены, видимо, очень гордятся такой землячкой.

Карагул кивнул, соглашаясь.

– Кажется, я неплохо знаю и этого парня, которого ты привел. –

Старик остановил на мне взгляд окруженных лучинками морщин глаза.- Когда-то он не один раз записывал мой голос, мои рассказы о конях. С удовольствием слушаю по телевизору его репортаж о скачках .- Он не успел договорить: на улице послышался шум подъехавшей к дому машины...

Меня всегда восхищала быстрота, с которой разворачивают, расставляют свою аппаратуру, приборы работники телевидения. Хорошо знакомый с этой работой, я не мог и сейчас сдержать профессиональной гордости за своих товарищей. После сердечных приветствий каждый занялся своим делом. За несколько минут все было готово.

– Мы сотрудники туркменского телевидения,- отрекомендовались ребята.- Знаем, что вам исполнилось 114 лет. Нам хотелось бы рассказать о вас и о ваших многочисленных потомках.

– Это правда, что мне исполнилось столько, соколы мои, – Курдов погладил белую бороду.

– Позовите, пожалуйста, ваших домочадцев, внуков. А вашу жену попросите сесть рядом с вами.

Старик едва приметно усмехнулся:

– Удастся ли мне уговорить нашу бабушку? Она не в духе и сердится на меня за то, что я не сижу дома – работаю в саду. Не знаю, захочет ли она сидеть со мной рядом...

Так или иначе, все семейство собралось, и менее чем за полчаса съемка была закончена. Проводив гостей, старик опять устроился на кошке.

Мы немного помолчали. Чай остыл, но чернокося правнучка Карагул-ага принесла свежесваренный.

Клименко несколько раз перелил чай из чайника в пиалу и обратно и решил повернуть разговор в нужную сторону.

– Карагул-ага,- обратился он к патриарху скачек,-если вы позволите, мы зададим вам несколько вопросов. Скажите нам: учитывая ваши большие заслуги в развитии коневодства, несколько лет назад учредили приз вашего имени. И вручать его тоже должны были вы сами. А на последние скачки вы не явились. Почему, уважаемый аксакал?

Карагул-ага молча выслушал эту длинную тираду и не торопился с ответом. Но отвечать было нужно.

– Скачки для меня праздник, - торжественно изрек он. - Я и сам огорчился, что не смог тогда быть. Уже было и собрался, но нагрянули гости. Иначе, конечно, вручил бы приз, коль мне, старому, доверена такая честь.

Все было ясно: старик действительно не мог приехать – гость у туркмена святее отца.

– А помнишь, Карагул-ага, - снова начал Клименко, - когда мы работали вместе еще на старом ипподроме, ты рассказывал старые истории о скакунах.

..О прославленном Бойноу, например... Я напряженно ждал начала рассказа старого сейиса и дождался. Старик отпил глоток чая, посмотрел куда-то мимо меня и Клименко...

– Туркмены никогда не пристреливали старых коней, - сказал он, - а Бойноу совсем состарился. И вот кто-то из местного начальства приказал коня застрелить и написать об этом акт. Бойноу привязали к арче и зарядили ружья, приготовившись стрелять. Но вдруг из

хмуро молчавшей толпы метнулся к дереву человек и заслонил коня собой. Этим человеком оказался кешинец Мухаммед Кулхан. Он разорвал ворот рубахи и крикнул:

– Лучше меня убейте, не коня.

А конь стоял за спиной своего защитника и, честное слово, знал, что собирались с ним сделать: он был печален, как человек, а глаза полны слез...

Незадачливые стрелки опустили ружья, не зная, как им теперь поступить, а Мухаммед, по-прежнему заслоняя собой Бойноу, сказал:

– Не дам никому поступить так низко. Когда он был молод и силен, вы все восхищались им. А теперь, значит, содрать шкуру и с глаз долой?! Только посмейте!

Люди, кто одобрительными возгласами, кто молчаливым согласием, поддержали Мухаммеда, и неудачливые исполнители приказа, и составители акта, опустив глаза, убрались прочь. А Мухаммед Кулхан отвел Бойноу к себе домой. Конь еще много лет прожил у него и умер своей смертью.

Старик снова взялся за чай, и Клименко, опасаясь, что перерыв окажется долгим, сказал:

- Карагул-ага, готовы слушать тебя без конца...
- А что, - откликнулся сейис, - я, Дмитрий-джан, и сейчас могу рассказывать до утра. Признайся, записал меня в старики? Нет, дорогой, ты еще сюда поездишь и не скоро увидишь выжившего из ума старика!
- Значит, не хотите признавать себя старым?
- Хе! Как может быть стариком человек, вдевающий сам в иглу, правда самую крупную, нитку, – смеялся Карагул-ага.
- Ну, а что слышать о Халмы-сейисе? – спросил Клименко.
- В последнее время видеть не пришлось, но такой самоотверженности никогда не забуду...
- То есть? – поторапливал Клименко.
- Во время Ашхабадского землетрясения многие остались под руинами. Когда оно началось, Халмы не растерялся и успел открыть ворота конюшни, где были все лошади, спас от гибели гордость всех любителей и знатоков нашей знаменитой породы. Животные, предчувствуя беду, беспокойно ржали, металась в стойлах, а когда благодаря Халмы выбрались наружу, то при виде страшного хаоса поддались панике в неразберихе первых минут этой жуткой ночи. Среди падающих построек, па уходящей из-под ног земле, они признали реальным только своего конюха и табуном следовали за ним по пятам.
- Чай в пиалах давно остыл, мы внимательно слушали.
- К тому времени, когда мы, конюхи, и работники ипподрома сбежались к конюшне уже готовые увидеть страшные картины потерь, кони, все до единого целые и невредимые, сгрудившись, стояли на середине двора подальше от построек. Подбежали ближе, смотрим – в центре косяка стоит Халмы. Вышел он к нам и не о себе говорит, а нас спрашивает, целы ли, все ли спаслись...
- Да, - сказал Клименко, - Халмы совершил настоящий подвиг.
- Карагул-ага, соглашаясь, наклонил голову, помолчал, а потом спросил нас:
- А вы, если можно узнать, по делу ко мне или посидеть заехали?
- Можно сказать, и за тем, и за другим, – ответил Клименко.
- В таком случае, я вас слушаю...
- Вот, уважаемый Карагул-ага, со мной комментатор

телевидения, - представил меня Клименко.

– Немного знаком с его работой, – кивнул старик.

– Тем лучше, почтенный. К ним, – Клименко жестом указал на меня, – после каждой передачи приходит много писем и в большинстве из них вопросы о происхождении ахалтекинских коней...

– Очень хорошо, – согласился старик. – Эти люди из телевидения занимаются хорошим делом, рассказывая об ахалтекинцах. Конь – друг человека, его крылья. Тем более ахалтекинский конь. Таких скакунов, как у нас в Туркмении, нигде не найдешь.

– Верно, верно, – согласно подхватил мой друг, – наши кони любого знатока очаруют.

Старик уже думал о своем и не замедлил это высказать.

– Должен сказать, молодежь не всегда достойно идет по испытанной, пройденной стариками дороге. Вот сейчас принялись скрещивать ахалтекинских коней с арабской, английской породами. Превратили наших коней в полукровок. Это никуда не годится... – Старик огорченно покачал головой.

– Бывает, – сказал Клименко, – молодые обзаводятся английскими конями в погоне за быстрым успехом. Английские лошади резвы на бегах...

– До оих пор приезжали к нам сухопарые господа из Англии и увозили ахалтекинских коней, чтобы улучшить свою, английскую породу.

Клименко не возражал, он рассказывал свое:

– Сейчас, какое коневодческое хозяйство не возьми, обязательно имеет одну-другую лошадь английской породы. Бывает, что их выставляют на соревнование как ахалтекинцев...

– Этого допускать нельзя, – горячо запротестовал старик.

– Ты понимаешь, что может быть? Уйдет ценнейшая порода!..

Не желая волновать Карагул-ага дальше, Клименко попросил его рассказать о происхождении ахалтекинских коней.

– Да мало ли этих историй, – воскликнул тот. – Рассказывают много разного, а слушать можно только тех, кто близко и хорошо знает лошадей.

Мы придвинулись ближе, приготовившись слушать интересную историю.

– Я пережил много черных дней, – начал Карагул-ага.- Детство мое прошло в рабской, черной работе на бая. У моего отца детей было много, прокормить семью стоило больших трудов. Ну, а я был старшим...

Послали меня пасти у бая ягнят, потом пас коров. Но сколько я ни работал, один халат у меня так и оставался одним халатом. Каждое утро, когда я выгонял стадо, надо мной смеялись байские прихвостни. Их смешили рваные полы моего халата, которые свисали, как лапша. Если не сдержишься, ответишь резко – сорок ударов плетью. Это было законом.

Когда я подрос, меня взял в помощники старик, который ухаживал за байскими лошадьми. Первое время я боялся близко подходить к этим горячим, резвым коням. Мне казалось, что они обязательно ударят меня, так беспокойно прядали они ушами, кося на старика большие темные глаза, так грозно, тяжело били о землю копытами...

Жена Карагул-ага выглянула с веранды, желая узнать, не пора ли подавать плов, но мы все так увлеклись, что не обратили внимания на ее вопросительный взгляд.

– Постепенно я привык к коням,- продолжал Карагул-ага,- они привыкли ко мне и к моему халату. По крайней мере, кони не смеялись над моими лохмотьями... Моя добросовестность понравилась и конюху: он был добрый старик и, выждав удобный случай, он расхвалил меня баю... В виде милостивой награды я был пожалован целым халатом – первый раз за много лет работы... Халат меня не взволновал, как говорят: «От свиньи хоть щетинка, и то хорошо»... Я полюбил коней, мог уже немного джигитовать и довольно лихо скакал... В то время кони, выращенные моим старшим товарищем, конюхом, пользовались большим успехом на скачках, которые устраивались по праздникам. Он был внешне очень сдержан и даже казался суровым, этот конюх, но на самом деле был добрым и отзывчивым человеком.

Наверное, он умел угадать мое желание, а может быть, вспомнил свою молодость, когда сказал мне: «Сынок, ты уже достаточно подрос, думай о том, как стать хорошим наездником..-» Он относился ко мне, как к сыну; учил терпеливо, спрашивал строго

и не давал в обиду байским отпрыскам. От него я узнал, как непроста работа конюха и наездника, которая многим кажется легкой забавой.

Вы можете не знать, что в ту пору какой-нибудь богач, затевая пир или семейное торжество, рассылал по окрестностям глашатаев, которые оповещали людей. что такой-то бай в такое-то время устраивает празднество по такому-то поводу. А на таких торжествах непременно устраивались и скачки, до которых каждый туркмен охоч несказанно. И народ собирался на единственное в то время развлечение.

Как-то мы с конюхом отправились на такой пир к Каджарбаю: хотели посмотреть, с какими конями будут соревноваться наши питомцы. Сели на места для бедноты, смотрим. Конюх мне потихоньку объясняет особенности скакунов, сильные и слабые стороны каждого коня-соперника.

Мы не выдержали ожидания и пробирались к месту., где давали старт. Там конюха моего узнали. Ведь он был известным сейисом. Распорядитель спросил у него, кто будет наездником на нашем скакуне.

– Вот этот мальчик, – и конюх указал на меня.

– Вот этот сопливый оборванец? – удивленно под нял брови распорядитель.

Конюх чуть повысил голос:

– Это уже не твоя забота.

Тот прошипел:

– Если конь не выиграт, бай вам обоим оторвет головы, – и пошел от нас.

– Видишь, сынок, любой байский прихлебатель нам указчик, – в сердцах посетовал конюх, но тут же взял себя в руки и твердо сказал: – Не принимай близко к сердцу их болтовню. «Собака лает, а караван идет». Не бойся, скачи так, как мы с тобой это делали на пастбище. Не отвлекайся, не теряй себя. Кони очень чутки: растеряешься, и конь собьется с шага. Будь уверен в себе и в нем...

Подошли и сами байы, чьи кони должны были принимать участие в скачках. Каждый из них, кичась, расхваливал своего скакуна. Среди них был и наш хозяин, Кельте-бай, и в его взгляде я не

прочел ничего хорошего для себя...

Объявили заезд на большую дистанцию. Я волновался, и конюх это почувствовал. Он наклонился ко мне и сказал:

– Сынок, не зря говорили в старину: «Не за конем скачешь, счастье догоняешь». Иди, и дай тебе бог догнать свое счастье.

С этим напутствием я и вскочил в седло. На возвышении стоял распорядитель. Белый платок в поднятой руке трепетал на ветру. Я не заметил, когда распорядитель взмахнул им и едва удержался в седле, потому что мой конь резво рванулся с места. В ушах моих еще звучали насмешливые слова соперников, услышанные на старте: «Смотри, какой оборванец скачет на байском красавце-коне». Но не зря говорят в народе: «Ум не в годах, а в голове». Я взял себя в руки и старался удержаться в стороне от общей группы наездников. А они скакали впереди и даже не оглядывались, словно забыв обо мне.

Конь мой был взмылен. Я услышал, как дробнее, чаще застучали его копыта по звонкому такыру. В ушах засвистел ветер, волнами накатывался и уходил назад гул голосов взволнованных зрителей. Я пригнулся к шее коня, и он, как будто понимая мое состояние, ускорил бег...

Потом я сидел в седле какой-то оглушенный ветром, гулом, топотом копыт, и никак не мог понять, что первым пересек линию финиша. Конюх сам снял меня с седла. Я попал в его объятия и утонул в них, слушая ласковый шепот растроганного старика: «Молодец, сынок, молодец»...

Обозленный и посрамленный распорядитель все-таки решил испортить нашу радость и, объявляя результат заезда, громко выкрикнул: «Приз взял конь оборванца!» – и тут же захлебнулся: его обступили и взяли в оборот люди Кельты-бая. Заступились не за оборванца – конь был байский и полагалось выкрикнуть имя не наездника, а бая, хозяина... Вмешались в драку слуги Каджар-бая, и вполне могло все закончиться кровопролитием, как нередко случалось в те времена, когда баи делили славу и почести, а расплачивались увечьями и кровью простые люди...

Впрочем, теперь это, как кошмар, который хотя и ушел далеко, но не забывается никогда...

Я объезжал лошадей изо дня в день вместе со своим учителем, не

переставая перенимать его опыт и знания, и вскоре обо мне заговорили как о способном ссйисс. Многие, кто язвительно отзывался обо мне прежде, кто оскорблял меня и унижал, теперь заискивали передо мной и переманивали меня к себе.

В 17 лет я стал признанным наездником, и с тех пор никто не смог сделать меня посмешищем на скачках.

Призы? Они доставались баям, но я получил гораздо больше, чем байские награды: к моему учителю приезжали в гости его товарищи, опытные сейисы, и каких историй, интереснейших бесед о коневодстве я только не наслушался. Одна из них, рассказанная седым, благообразным сейисом, особенно запомнилась мне. Я ее расскажу...

В древности жил на свете мудрый правитель Соломон. Люди чтили его за справедливость и мудрость, и не было на земле ничего, скрытого от него.

Однажды в бескрайней степи люди встретили большой табун прекрасных и быстрых коней, равных которым по грациозности и совершенству своему еще ни разу не встречали люди. И захотелось тем людям поймать животных. Но чуткие прекрасные создания даже близко их к себе не подпустили, как на крыльях унеслись они от людей и исчезли в степи.

Обидно стало людям, и они пришли к мудрому Соломону и рассказали ему о прекрасных животных.

Выслушал Соломон этих людей и сказал им: «В мире есть много всяких тварей, и каждая прекрасна по-своему. Вы встретили свободных животных и потому не удержали их. Хотя и бродят они по степи, но приходят к водопою. Идите и найдите место, где пьют они воду».

И Соломон, собрав всех людей своих, велел выйти к нему человеку, который сумеет поймать у крепости невиданную лошадь. Тогда крикнули из толпы, что есть два брата, которые могут сделать это, но предпочитают жить тайно и не хотят показаться Соломону.

Через несколько дней глашатаи сообщили о смерти мудрого правителя, и со всех концов земли сошлись люди почтить его прах, пришли и братья со всеми. И тогда встал Соломон, ложно объявленный мертвым, чтобы найти этих двух, с ложа, и попросил

их исполнить то, что не смогли сделать другие люди.

Братья же сказали, что пьют лошади, живущие в песчаных степях, воду из голубого колодца у степ старой крепости. Чтобы поймать их, нужно уменьшить воду в колодце, а в колодец влить столько бурдюков старого вина, сколько вылили из него воды.

Несколько дней не будут пить лошади и будут изнемогать от жажды, а потом выпьют воду с вином и опьянеют, и тогда можно будет опутать им ноги и привести к людям.

Соломон велел сделать, как сказали братья. Несколько дней не пили лошади, а потом выпили воду с вином и обессилели, и потемнело у них в глазах, ослабили быстрые ноги, и люди опутали их ремнями и привязали в стойлах.

Когда же кончилось действие вина, увидели лошади себя в неволе и стали биться в стойлах, и бить крепкими копытами в стены, и ржать, но ремни не пускали их на свободу, и лошади затихли, смирившись.

Когда их показали Соломону, он сказал, что нет красивее их ничего в мире, ибо вобрали они в себя всю красоту и совершенство природы.

Несколько дней любовался ими Соломон, а потом повелел убить их, ибо созерцание совершенства этих животных остановило все благочестивые дела и помыслы его...

Но люди зароптали, и Соломон разрешил оставить в живых одну пару, уничтожив остальных...

– Легенды говорят, - закончил свой рассказ Кара-гул-ага, что от этой пары начался род ахалтекинских коней. Остальных, подобных им, - старик развел руками и улыбнулся, - Соломон уничтожил.

– Красиво, – подытожил Клименко, пока старик прихлебывал остывший чай, и, повернувшись ко мне, спросил, как мне нравится легенда.

Я ответил, что мифы вообще необычайны, но как-то странно переплетаются темы мифов разных народов...

– Ну да, ну да, - торопливо сказал Клименко, - а ведь тот старик, от которого слышал эту легенду наш уважаемый хозяин, утверждал вполне определенную истину...

Уважаемый хозяин поднял на нас глаза и лучики морщин, казалось, хитро подморгнули и мне, и Клименко.

– Он хотел сказать то же, что сегодня говорю вам я: какие бы корни не имела эта порода, ее надо хранить, как зеницу ока, и этому вам, молодым, полезно поучиться у нас, стариков... И людям об этом стоит и рассказать, и напомнить лишний раз: легко потерять – найти труднее.

– И теряли,- вставил Клименко.

– Теряли,- с горечью откликнулся Карагул-ага – уходили кони за границу при ханах, междоусобных распрях, теряли в Гражданскую войну при интервенции. И каких коней!.. Сколько раз их выносливость, резвость, ум, я в него верю, спасали туркмен во времена ханских набегов. Бывало, уже саблю занесет ханский нукер, а туркменский джигит соскользнет с седла, повиснет на шее у лошади, и сабля опускается на пустое седло... А какие игры были у джигитов! Соберутся после скачек, положат на землю узелок с завязанной монетой и на полном скаку, не вынимая ног из стремени, поднимают его. Потом монету на землю кинут, и без осечки поднимают ее джигиты.

Я подумал, что все наследие сегодня сохранили наши джигиты, но, утомлять старика разговором дальше было просто грешно, и мы стали прощаться. Шумливая стайка внуков и правнуков, окружив Карагул-ага плотным кольцом, долго махала нам вслед руками...

Мы пошли к остановке автобуса, обсуждая все, что слышали сегодня от старика.

– У него еще сотни таких историй,- сказал Дмитрий Терентьевич и опять, как в нашу встречу на ипподроме, посетовал на то, что плохо мы их и собираем, а храним.

– А тебе не кажется, что он пренебрежительно относится и к арабским лошадям, и к английской верховой?- спросил я.

– Это не пренебрежение. Старик стремится сохранить в чистоте ахалтекинскую породу. Я 45 лет занимаюсь лошадьми и знаю точно: у наших лошадей характер мягче. Ближе к человеку эта лошадь...

В 1938 году эксперименты в Ташкенте доказали, что ахалтекинской породой можно улучшить другие. Тогда же было доказано и другое: ахалтекинскую породу нельзя безнаказанно разбавлять...

Мне все не давала покоя эта английская верховая, и я спросил Клименко, когда она получила известность.

– Примерно лет 300-350 назад. Считают, что у ее истоков стоит около 5 пород лошадей. Одна из них – ахалтекинская...

«Легко потерять», - вспомнил я слова Карагула Курдова.

Всю дорогу от Безмеина до Ашхабада мы промолчали. Один только раз я оглянулся: за окном, скрытые зеленой дымкой садов, проплывали размытые временем стены Нисы...

* По кн.: Туркменские кони (П.Караев. Ред. Л.Ковалишина; Пер. В.Хорошилов. – Ашхабад: Туркменистан, 1979).

** Сейис (в туркм. яз.) – тренер, конюх, который не только ухаживает за лошадьми, но и готовит их к скачкам. Некаýaлар